ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЕТРАДЬ

Николай КАСЬЯНОВ

Рассвет деревья окрасил,
Ну что ж, рассвет, так рассвет.
Согласен иль не согласен, —
Бессилен тут твой запрет
И утро почти неслышно
Придет и также уйдет.
И день, расправляя крылья,
Медленно поплывет.
Потом опустится вечер...
Жалей или не жалей —
Ничто не бывает вечно
На маленькой этой земле.
Зима уступает лету,
Сменяется вёдро дождем.
И мы уйдем, как рассветы,
Или в рассветы уйдем.

●

Проходя сквозь разлуки и встречи,
Мы становимся чище и крепче.
Отметается лишняя гордость,
Вглубь уходит личное горе.
Пусть нам с возрастом тяжелее...
Все невзгоды стерев в порошок,
Не сгареем мы, а светлеем
Сердцем, разумом и душой.

Олег МАСЛОВ

Стихи о любимой профессии

В ОПЕРАЦИОННОЙ

Тревожно здесь. Здесь все, как на войне,
На самом фронте, на переднем крае,
Здесь жизнь и смерть осмысленны вдвойне,
И уж где-где, а здесь им цену знают.
И, как на фронте, все здесь наголо:
И стиль, что ожиданьем душу режет,
И риска расчехленное жерло,
И ярость схватки, и металла скрежет.
Но войны все конец имеют свой,
А этой — никогда не прекратиться,
Поскольку жизнь и смерть между собой
Не в силах ни о чем договориться.
И всяк сюда входящий, дай обет
Не помышлять о мире и согласье,
А в трудностях борьбы искать секрет
Большого хирургического счастья.
И суть еще в особенности той,
Что в бой со смертью здесь вступают двое,
Но тот, кто затевает этот бой,
Всегда чужой рискует головою.
Его халат надежней всяких лат,
Он генерал, ведущий наступленье,
И, если гибнет пациент-солдат,
На этом не кончается сраженье.
Казалось бы, на том и кончен бал,
Кто пересилил — тот и победитель,
Когда б затем не вечный трибунал,
Где совесть — и судья, и обвинитель.
Сегодня — бой и завтра — тоже бой,
И, наконец, постигнешь в полной мере
Насколько проще рисковать собой,
Хоть в это, впрочем, многие не верят.

«ГИППОПОТАМИЯ»

У дочки завтра день рожденья,
А я опять — судьба велит —
Лечу чуть не на край Вселенной,
Как добрый доктор Айболит,
Как он, не знающий покоя,
Когда его там кто-то ждет.
Но он-то добр, а мне порою
Той доброты недостает.
Снешу и злюсь, кляня дорогу,
А заодно — весь белый свет:
И тех, кто вызвал на подмогу,
И тех, кто мне вручил билет;
Всех, кто с получки до получки,
Не просыхая, пьет и пьет,

А после корчится в трясучке
И на дом «скорую» зовет;
Кто без конца со смаком курит
И говорит, что грудь болит;
Кто просто мучается дурью
И всех вокруг себя казнит.
Ведь знают же, что это скверно,
А все же делают назло.
Кому назло? Себе, наверно.
А я причем?
И вновь пошло...
Но это все бурлит, покуда
Ты едешь, боль не одолев.
Но вот окончен путь,
И — чудо:
Куда девался этот гнев?
Оставив «газик» или сани,
Взошел поспешно на крыльцо
И услыхал его дыханье,
И увидал его лицо.
И по какой-нибудь примете
Вдруг ощутил буквально весь,
Что никого на целом свете
Так, как тебя, не ждали здесь.
И пусть тебя сомненье гложет,
Пусть ты невежда из невежд.
Но ты уже никак не можешь
Не оправдать его надежд.
И вот наступит вдруг мгновенье,
Когда в душе переживешь
То, что в минуту откровенья
Ты после счастьем назовешь.
Все, чем я счастлив, чем страдаю, —
Тебе во всем обязан я,
Моя профессия родная,
«Гиппопотамия» моя.
И летно, земно или водно,
Кто б ни был ты, как Айболит,
Помчусь опять куда угодно,
Лишь только крикни: «Ай, болит!».

ПРОЗА

Когда-то я написал очерк, но [illegible] напечатал. В очерке рассказывалось о том, [illegible]ка Журо, вчерашний десятиклассник, работает на стройке, а в тумбочке хранит школьное сочинение «Случай из моей жизни».

Я не знаю, где теперь милый человек Эрька. И не ведаю, бывают ли у нынешних старшеклассников такие сюжеты, когда они пишут сочинения на свободную тему.

●

НА «КАМЧАТКЕ» Лина Висковская говорит о мужчинах:

— Самый последний, девочки, случай вчера... Я только из подъезда, а навстречу он: «Вы — Несмеяна»...

Шепотом:

— Девочки, он третий день меня преследует.

Девчонки посмеиваются в розовые кулачки, а ребята хмурятся. Ой, да что же они хмурятся — это же Висковская, красивая девочка — гордость десятого «А» придумывает специально для них.

Недавно Висковскую посадили к Журо. Она рассчитывала на это, и он был явно не против, хотя поджал свои черные азиатские губы, высказав равнодушие.

Но... вот прокатился по коридорам и лестничным маршам звонок. Литература.

— Итак, пишем? — от доски вороковущий голос Валентины Юрьевны. Лицо у нее светится. Она безукоризненно правильным почерком выводит на доске.

«Случай из моей жизни».

По классу шепоток растерянности. Но, увы, отступать поздно, она давно обещала им интересную и неожиданную тему для сочинения.

..Три часа спустя, порвав чистую промокашку, Висковская вытерла вспотевшие пальцы и потянулась к Эрькиному сочинению, но ее остановили его глаза:

— Ты никому не скажешь, Линка? Побожись!..

— Что ты! Что ты! Похоронила. — она прижала руку к тому месту, где под черным фартуком ровно и гулко, устало билось ее сердце.

«СЛУЧАЙ из моей жизни» — написал Эрька на первой странице и начал сразу, без плана. Линка длинным взрослым ногтем поставила галочку и стала читать:

«Вы просите, Валентина Юрьевна, описать случай из моей жизни. Но такие штуки не делаются смаху. Поэтому на следующий год, если Вы решите дать такое же сочинение десятиклассникам, обязательно предупредите их пораньше. Что же касается меня, то я решился.

Это случилось уже давным-давно, позапрошлым летом, и многое позабылось.

Я устроился матросом на «Сергей Лазо», на этот буксирный пароходик, чтобы заработать немного денег и приобрести, как говорит отец, некоторую материальную независимость.

Однажды в воскресный день я, свободный от вахты, стоял на правом борту и в бинокль рассматривал пляж [illegible] город на берегу реки. Мы подходили к Свар[illegible]ку, то есть к нашей базе.

Так как рассматривать людей на пляже в бинокль неприлично, я иногда не смотрел туда, но вскоре снова поднимал бинокль. Мне все время

хотелось смотреть на девушку под белым зонтом. Я увидел ее внезапно.

Но из рулевой будки вылез Иннокентьевич и, нехорошо заругавшись, сказал басом:

— Что ты смотришь на этих женщин? Ишь, нашли время на пляже валяться, страда на носу...

Был конец августа, и всех из города отправляли на уборочную.

— Они отдыхают, — ответил я Иннокентьевичу (Иннокентьевич, когда выпьет, бывает очень некрасивым). — Неделю работали, а сегодня отдыхают. У нас каждый имеет право на отдых.

— Все одно, нечего глаза пялить. Голых женщин (он опять сказал очень грубо) не видел, что ли?

Я разозлился. Что я — маленький? А пароход в это время пришвартовался у легкого пирса, и мы должны были сойти на берег. На пляже было много народу, и я торопился, потому что боялся, что не найду девушку. Но я нашел. Шагах в десяти от нее я разделся и стал загорать, хотя загорать уже было некуда: за лето я прокоптился, как сто чертей.

Девушка была одна, она читала книжку в синем переплете. Наверное, стихи, подумал я, и отгадал, подивившись. Это был Владимир Маяковский. У меня острые глаза, и фамилию писателя я рассмотрел издалека. Я знал, что это самый идейный в мире писатель.

На песке сипела волна, откатываясь в реку. Над водой кувыркались чайки, высматривая добычу. Я посмотрел на часы — всего одиннадцать, а припекает. Я пошел в кусты, сломил два прута и сделал из рубашки тень. Когда солнце переходило на другое место, я подвигался, пряча голову от лучей. А сам все смотрел на девушку. Не знаю, почему, но я вдруг представил, что такой же красивой была и моя мама. По крайней мере, на фотографии она выглядела такой же спокойной и уверенной, как и Вы. У нее были такие же мягкие длинные руки в веснушках, очень тонкая талия и ноги маленькие.

Иногда девушке, видно, скучно становилось читать. Она осторожно закрывала книгу. Раза два она посмотрела в мою сторону и прикрыла ноги пестрым платком. Мне стало неудобно. Но я не мог

не глядеть на нее. Она чувствовала, что я смотрю на нее, и, улыбнувшись, сказала тихо:

— Зачем Вы так смотрите на меня? Вон там,— она показала в сторону, — там девушки резвятся...

— Просто так, — ответил я. — Просто так. Хочу, вот и смотрю, Могу и не смотреть.

— Чудак, — коротким смешком ответила она. И вдруг предложила:

— Есть хотите? У меня в балетке такие бутерброды! — она открыла балетку.

Я, правда, почувствовал, что страшно хочу есть.

— Я совсем не хочу есть. И совсем не поэтому я смотрю на Вас...

Я сказал глупость, как семиклассник.

— Право же, чудак, — снова рассмеялась она, — Вас наверняка звать Костей.

— Это почему же? — встрепенулся я.

— Да уж так. Все Кости — немного чудаки.

Эти слова мне не понравились. Но она протянула мне бутерброд. Я подошел и взял его, он был с сыром. Я сказал:

— Спасибо. По правде, я малость проголодался. (Потом я догадался, что это тоже была глупость).

— Ну вот, разве не чудак... Да Вы бы шли сюда, а то Ваша юнгштурмовка, — она усмехнулась глазами, — выгорит под палящими лучами солнца. А зонт большой, и нам места хватит.

Что-то сказав, я снова подошел к ней.

— А вы умеете плавать? — спросила она, потешаясь, видно, над моим растерянным видом.

Я ответил:

— Как Байрон. — Об этом, то есть, о том, что он здорово плавал, я читал где-то, но стихи его не люблю. Мне кажется, что он пессимист.

— Ого! Тогда мы поплывем через Умару, вон оттуда, и если Вы раньше меня выйдете на тот берег Босфора, значит Вы — Байрон. Идет?

Я исподтишка посмотрел на нее еще разок — она все-таки, по совести, выглядела очень хрупкой.

— Не стоит. — Я постарался это сказать с достоинством.

— Что же, я тоже думаю, что не стоит. Проиграете.

Это был вызов. Через минуту мы были в воде. Я плыл брасом, не окуная лицо в воду. Мы держались друг от друга близко. Я видел точки веснушек, которые кружили вокруг ее глаз — может быть, она была некрасивой, но она была храброй. Я вовремя оценил, что плавает она ничего себе. Может быть, даже лучше меня. Но сказать об этом не решался, да и неудобно было начинать с «вы». Я не заметил, как из-за поворота ударил ветер и взбил короткую сильную волну. Вода ворвалась мне в горло.

ДОМ БЕЗ ХОЗЯИНА

РАЗГОВОР О ТВОЕМ ОБЩЕЖИТИИ

ЕСТЬ в нем какая-то непостижимая сила — в доме, — заставляющая тосковать по нему даже «дремучего» бродягу. У каждого он свой: гостеприимно распахнутый или настороженно замкнутый. Но даже самый мрачный из домов засветится, засмеется, если поселятся в нем молодые парни и девчата — в его старых стенах потечет молодая жизнь. А дом станет называться ОБЩЕЖИТИЕМ.

В нашем городе их свыше трех десятков — студенческих, рабочих. Но мы заглянем в одно — в общежитие молодых строителей, расположенное по улице имени Мухина. Общежитие, хоть и существует давно, а по признанию ребят, домом для них так и не стало. Почему?

БОРЬКА...

ПО УТРАМ Борька просыпался от крика.

— Черт! Опять комендантша раскричалась, — ворчит он, переворачиваясь на другой бок. — Интересно, на кого это она?

Борьке искренне жаль того парня, который не поладил с Надеждой Алексеевной. Сочувствует: сам в опале. Да еще в какой! Только и слышит: «Козлов такой, Козлов разэтакий!». А что, может, он и впрямь настолько негодный тип, что только криком на него и воздействуешь? Не-ет, шутишь! Криком Борьку тем более не возьмешь. Просто упрямый он, живет по правилу: как ты мне, так и я тебе. И с комендантом с первых же дней своего пребывания в общежитии устроил своеобразное состязание — кто кого переупрямит.

А началось все с того, что «комендантша» отобрала у Борьки радиоприемник. Его собственный, личный и, в общем-то, совсем безопасный (другое дело —плитка, обогреватель). Отобрала, между прочим, в отсутствие хозяина. Когда вполне справедливо возмущенный Борька явился к ней за объяснениями, Надежда Алексеевна изрекла железное «не положено!» (?) и захлопнула дверь перед носом растерявшегося парня. Ах, так! Уязвленный Борька, не скрывая обуревавших его чувств, устроил скандал, заявив, что элементарная порядочность не помешает любому человеку, в том числе и коменданту. Надежда Алексеевна в свою очередь произнесла: «Ах, так!...». И с этого времени Козлов превратился для нее в одного из самых вреднейших жильцов. Помог и еще один случай.

Как-то у Борьки в комнате допоздна засиделся друг. Решив, что поздней ночью в другой конец города возвращаться нецелесообразно, остался ночевать (благо, одна из кроватей была свободна). А наутро... разгневанная Надежда Алексеевна забрала постели у всех жильцов и строго-настрого наказала дежурной не давать Козлову ключей от комнаты. Словом, фактически выселила его из общежития, взяв на себя все функции бытсовета (в чем, впрочем, ее никто не уполномачивал).

А тут, словно специально, начались у Борьки головные боли. Смирился «вредный» человек, пришел к коменданту: «Надежда Алексеевна, мне очень плохо, Дайте, пожалуйста, ключ...». Реакция на такого рода сообщение и просьбу у Надежды Алексеевны была своеобразной: «Меньше пить надо (?). А ключа не получишь». Несколько дней Борька ночевал у друзей, а потом, тайком от коменданта, добрая дежурная все же открыла ему комнату (за что, кстати, получила нагоняй).

В этот же день Борьку отвезли в больницу.

Когда через два месяца он вновь появился в общежитии, комендант молча предъявила ему счет за два месяца.

— Надежда Алексеевна, как же так? Два месяца назад вы меня выселили. А сейчас, когда я заново пришел устраиваться в общежитие, предъявляете мне какой-то счет. Простите, но платить я не буду!

Нет, Борьке вовсе не жаль шести рублей. Зарабатывает он неплохо и заплатить их ему ничего не стоит. Борька лишь требует справедливости. Вот так и продолжают жить два человека, «принципиально» не уступая друг другу.

Наверное, именно о такой ситуации можно сказать — «нашла коса на камень». Впрочем, как выяснилось, «камней», подобных Борьке, в общежитии не один, не два — много. Жалуются на грубость коменданта, на ее несправедливость: одного ни за что, ни про что обругала при знакомой девчонке, у другого за маленькую провинность отобрала постель...

Месяц назад на общем собрании жильцов Надежда Алексеевна услышала много нелестного о себе. Разгорячившись, ребята выложили все, что накопило за месяцы жизни в общежитии. Грубость они не прощают. Пренебрежительного отношения к ним — тоже. Несправедливости — тем более. Это следует учесть — ведь живут они в одном доме. Кстати, и сам дом оставляет желать много лучшего. Совсем недавно проведена инвентаризация, а между тем, вся мебель держится лишь на честном слове. Где новая? Почему ни в одной комнате нет зеркала? Почему, забыв о бытсовете, комендант по своей инициативе зачастую становится единственным полноправным хозяином в общежитии?

Высказались. Разошлись с собрания с легкой душой— вытрясли из нее все наболевшее, — и стали ждать перемен. Напрасно ждали. Просто в опалу попало еще несколько человек, выступивших с критикой на собрании. Те, которых Борька сейчас искренне жалеет...

А остальные? Те, что молча наблюдали за событиями на собрании и также молча разошлись? Может быть, они всем довольны?

...И ДРУГИЕ

ДВА узеньких подслеповатых окошечка нехотя пропускали сквозь пыльные стекла солнечный свет. У одной стены вестибюля ощетинился пружинами диван преклонного возраста, у другой — поддерживая друг друга, выстроился десяток стульев, настолько замызганных и ветхих, что уже давно никто не рисковал садиться на них. Длинный узкий стол, покрытый неопределенного цвета пыльной ситцевой тряпицей и две тумбочки образца 30-х годов —по углам — завершали обстановку вестибюля.

Входившие с улицы равнодушно переступали через половик у порога и, скользнув взглядом по неприглядному помещению, торопливо расходились по комнатам. Каждый — к себе...

В первой на кроватях валялась довольно-таки интеллектуальная публика, занятая серьезным делом, — все дружно читали учебники. Всем своим видом показывали они крайнюю занятость и непричастность к вокруг происходящему. Вероятно, по этой же причине и позы не сменили, когда в комнату вошли гости. Позже выяснилось, что это своего рода «прин[illegible]» на все вопросы, касающие[illegible] общежития (а вошедшие начали разговор именно с них), отвечать скептическим м[illegible]нием. [illegible] гости оказались нас[illegible] и тогда интеллекту[illegible] ворвалось. Они даже от[illegible] подушек головы и р[illegible]ранным монологом:

—Класс для [illegible]вятая простота! [illegible]ду не видели и, [illegible]видим. Мало ли [illegible] в соцобязательств[illegible]ить лет на стене ви[illegible]ько же продержатся, [illegible]ржавый гвоздик смен[illegible], который их когда-то повесили. [illegible] где обещанная спортплощадка? А где?..

— Что? Идти в бытсовет?!.

Головы решительно опускаются на подушки, парни принимают прежние позы, а из угла доносится железное:

— Нет! Принципиально. Из этой конюшни дворца не сделаешь.

Категоричный вывод.

Жильцы второй комнаты, подперев головы кулаками, задумчиво наблюдали за экзекуцией: проигравшего лупили колодой по носу. Тот стоически претерпевал наказание, а потом игра начиналась сначала. Видимо, она все же изрядно надоела, потому что парни охотно отбросили колоду в сторону и не менее охотно признались, что во многих отношениях живут весьма бездарно. Как именно? А вот в карты играют. Водку пьют. Бывает — дерутся. Нет, вовсе не потому, что получают от этих занятий максимум удовольствий. Просто общежитие им ничего не предлагает взамен. Телевизор давно надоел, на нудные лекции о долголетии и вреде алкоголя не тянет. В кино идти неохота— далековато. В библиотеке они не записаны. В школах, техникумах не учатся... Скука. Именно скука, инертность и равнодушие каждого делают скудной и затхлой жизнь всего общежития.

А между тем, жильцы с негодованием указывают перстами лишь на воспитателя и бытсовет. Конечно, план воспитательной работы, предусматривающий лишь танцы да лекции, удовлетворить ребят не может. И бытсовет, фактически передавший все свои полномочия коменданту, тоже не устраивает. Только разве серьезный это подход к делу — ждать, когда придет кто-то и развлечет, развеселит тебя? А ты сам? А твой сосед? А все вы вместе? Разве не можете взять дело в свои руки? Обойтись без примитивных шашечных турниров и игр типа «два притопа, три прихлопа». Познакомиться с интересными людьми, организовать интересный вечер (благо, свой клуб рядом), всем раздобыть билеты на интересный концерт, спектакль...

И еще одно: отдых — это не только веселье. Хорошая беседа о международном положении. Встречи с интересными людьми города, солдатами из воинской части, с учащимися профтехучилища. Субботники.

Кстати, именно на субботниках можно закончить строительство спортплощадки, так позорно заглохнувшее прошлой весной. Условия есть: огромный двор, на котором уместится не только волейбольная и городошная площадки, но и футбольное поле. Но двор пока что напоминает не спортплощадку, а болото. А превратится ли оно со временем в небольшой дворовый стадион, зависит опять-таки от самих жильцов общежития.

Может быть, стоит собраться всем вместе и выяснить, почему бытсовет из хозяина дома превратился в наказующий орган, занимающийся лишь «разбором поведения нарушителей порядка в общежитии». А быт ребят? Может быть, стоит напомнить, что ни одного периодического издания общежитие не получает, что своей библиотеки нет, а «передвижка» под вечным замком, что одного утюга и трех корыт для стирки явно недостаточно, что хочется видеть в доме не старую рухлядь, а красивую, современную мебель и цветы...

А главное — как нарушителя порядка, надо гнать из общежития скуку.

Словом, большой, серьезный разговор необходим. И стоит, не боясь опалы, начать его прямо немедленно. Хотя бы ради того, чтобы каждый вечер с большой радостью спешить домой.

А пока... Пока жизнь ребят скрипит по-прежнему. Одни, не умея использовать свободное время, топят его в бутылке, лупят истерзанными картами. Другие «принципиально» не поднимаются с кроватей. И все ждут, когда «интересную, насыщенную жизнь» им принесут на блюдечке с голубой каемочкой. Дождутся ли?

И. АЛЕКСАНДРОВА,
наш корр.

г. Благовещенск.

ИЗ ПОЧТЫ «ГОРИЗОНТА»

«РОВЕСНИК» В ШКОЛЕ

«Ровесник» — это кинотеатр. Открыт он был недавно в Тыгдинской средней школе. Инициаторы и главные устроители его — комсомольцы школы, комитет комсомола.

Идея школьного кинотеатра возникла давно. В прошлом году даже начали подготовку своих киномехаников при поселковом кинотеатре «Радуга». Сдали экзамены и получили права киномехаников ученицы 9 класса Светлана Полукеева и Галина Джапарова.

Директор кинотеатра, ученица 9 класса Тамара Брагина, поставила дело солидно. Она с помощью комитета и администрации школы составила тематический план, согласовала его с районной киносетью. И теперь регулярно, 3—4 раза в неделю, школьный зал превращается в кинотеатр и его заполняют ребята. Контролеры и кассиры — тоже сами школьники.

И ТЕРЕЩЕНКО.
п. Тыгда.

О НАШЕЙ РОДИНЕ

На школьной сцене — старинная русская изба. Тихий летний вечер. Собрались девушки в длинных сарафанах, в разноцветных платках после трудового дня. И вот полилась песня: «...в саду дева плачет, в саду дева плачет над быстрой рекой...».

Сменяются декорации, костюмы, другие песни льются со сцены. Но все они о России, о Родине — старинные народные и современные: «Умывает красно солнышко руки теплые в росе. И Россия, как Аленушка, предстает во всей красе...».

Подготовили этот вечер ученики 9 «А» класса вместе со своим классным руководителем Людмилой Васильевной Сизиковой. Песнями сумели они рассказать нам, слушателям, как велика наша Родина, какой нелегкой и прекрасной была ее история.

Т. СЕДНЕВА,
председатель клуба юнкоров Неверской средней школы.

Сковородинский район.

КУЛЬТУРУ — НА СЕЛО

Недавно для хлеборобов Ивановского района была проведена декада искусств. Активное участие приняли в ней комсомольцы Благовещенского культурно-просветительного училища. Особенно тепло встречали зрители наш танцевальный коллектив, оркестр народных инструментов, выступление ребят с театрального отделения. Но, пожалуй, самый большой успех выпал на долю Гали Доценко. Она у нас — знаменитый чтец.

В скором будущем намечается провести такие же декады в Благовещенском и Константиновском районах.

Г. ВОСТРИКОВА,
культпросветучилище.

На мгновенье я задохнулся и беспомощно забарахтался. Но тотчас опомнился и тяжело закашлялся. В воде плохо кашлять, грудная клетка сдавлена со всех сторон, и мне стало невмоготу. У меня закружилась голова, я перестал видеть берег, и, раза три взмахнув руками, я вдруг понял, что задыхаюсь и слышу толчки в затылок.

ПОТОМ я лежал на мокром берегу и боялся открыть глаза. Неожиданно я почувствовал боль в правой руке и открыл глаза. На руке была черная повязка, из-под которой сочилась кровь. Мне стало страшно, я оглянулся по сторонам. Было удивительно тихо. Она лежала рядом, у нее тоже были руки в крови.

Оказывается, нас сильно снесло течением, и мы попали в то место, где раньше всегда трелевались плоты. На дне было много кусков металлического каната, о него мы порвали до крови руки и ноги.

Обратно мы возвращались поздно вечером на пароме. Женщины с блестящими серпами кос-литовок презрительно глядели в нашу сторону. Они могли думать всякое, это волновало меня. Но вскоре мне опять стало хорошо, потому что Вы заговорили с ними и рассказали, как мы тонули. Женщины сразу подобрели и стали кормить полевым чесноком и сухим хлебом.

Кажется, я заглядывал ей в глаза, как собачонка.

— Бывает, Эрька, — она по-своему поняла мои мысли и шептала. — Я ведь тоже тонула, но меня спасла мель. На реке была мель и меня вынесло на нее. А вообще-то здесь тонуть лучше, чем на экзаменах. Когда стипендия на волоске, а ты забыл из Горького цитату... У нас в институте такие строгие старики — ужас!

Она кончала педагогический. Филологический факультет.

— Просто-напросто я плохо плаваю, — признался я.

Мы сошли на берег, он был уже пуст, и на песке одиноко стоял белый зонт.

— Ну вот, — сказала она, — вот мы и познакомились: ученик и вчерашняя ученица... Мы победили стихию, мы утвердили свое «я»...

Голос ее снова стал насмешливым. Рана моя подсохла. Отмочив в воде повязку, я завязал руку майкой и накинул широкую матросскую куртку, чтобы согреться. Бил ветер.

Она надела открытое платье, очень открытое, но именно такое она и должна была носить, чтобы походить на себя: тоже всю открытую и прозрачную, словно кремни на перекатах Умары.

Шли мы долго. Я нес зонт, и был горд от того, что все смотрят на меня, как на товарища этой красивой молодой женщины с голубой книжкой в руке.

На секунду мне стало смешно, что Маяковский — в голубом переплете. Боролся с бюрократизмом, а в голубом переплете. Я сказал ей об этом. Она ласково посмотрела на меня.

— А у Вас тонкий вкус к литературе.

Тогда я честно сказал, что Маяковского любит мой отец, а я его только уважаю.

Она обиделась, но так, чтобы я этого не увидел. Конечно, я многого не понимал тогда. Потом на уроке, Вы говорили, что одной из тяжких причин гибели Владимира Владимировича была любовь к девушке, у которой было прекрасное лицо, но она не верила в революцию и жила в Париже. Но ведь я этого совсем не знал!

На первой развилке дорог она неожиданно сказала тверденьким голосом:

— Эрик, а мне сюда.

— И мне сюда, — ответил я, хотя мне было совсем не сюда. И снова мы шли медленно и очень долго.

Около бревенчатого здания горсовета, у обочины, стояла легковая машина, в открытую дверцу я увидел человека, который меланхолично листал красный журнал. Мой взгляд, видимо, привлек его внимание, он поднял голову, и быстрым интеллигентным движением поправил волосы, вскрикнул:

— Валя!

Вы вздрогнули и тотчас как-то неестественно заулыбались.

— Игорь, ты как здесь?

— С папой, — отвечал этот Игорь, — не сидится старику дома... А вообще-то, поздравь, в первом законном отпуске. А ты — ты все цветешь? Тебя провожают юные пажи, которые носят твой зонт!.. Пардон, молодой человек, я шучу.

Он шутил, и я улыбнулся ему.

Я отошел в сторону и постоял там немного, поджидая Вас, но Вы сидели с ним в креслах автомобиля и говорили о каких-то пустяках. Я слышал, как Вы сказали: «Все, Игорь, течет, но ничто не забывается, не тускнеет не отцветает, если хочешь...». И я медленно, а потом все быстрее пошел прочь. Но отойдя шагов двести, я оглянулся. Они стояли у машины, и она махнула мне рукой. Я вернулся.

— Эрик, — сказали Вы, — Вы забыли оставить зонт. И Вам пора идти спать, а меня Игорь подбросит на машине. Так ведь, Игорь?

Больше я не оглядывался. Мне хотелось плакать, и когда я лег в постель, я подумал, что лучше бы она не спасала меня, что лучше бы я утонул...

А через год Вы, Валентина Юрьевна, пришли в нашу школу. И вот сегодня просите писать это сочинение. Разве Вы не знаете, что я могу написать только об этом? А как живет этот Игорь и его папа?

Впрочем, сочинение пора кончать. Можете за идейность поставить двойку. Мне-то все равно.

НА ПЕРЕМЕНЕ вокруг царил гам. Галактионов подбивал устроить «забастовку» и уйти с последних уроков. Горе, свалившееся на Линку, сделало ее одинокой. Она не стесняясь, обратила постаревшее лицо к Эрьке и увидела сиянье, которое шло от выпуклого смуглого его лба, от глаз, слегка раскосых, и поняла, что это не она, воображуля в капроновых чулочках — красавица, а он, Эрька Журо, азиат, в выбитых на коленях до белизны брюках, в серой сатиновой рубашке, с комсомольским значком высоко, почти под шеей,— красивый, красивый, красивый.

Через день, пусто слоняясь по горсаду, она нежданно-негаданно столкнулась с Эрькой и Валентиной Юрьевной в длинной и узкой от зимнего снега аллее.

—Здравствуйте, Линочка!—Валентина Юрьевна ловко придержала Висковскую за рукав. — Пойдемте с нами, ну, что Вам стоит. И нам будет лучше... А то он стесняется. Будто гулять по саду, среди березок, учителю и уч[illegible] стыдно. Стыдно? Стыдно ли, разве? А мне [illegible], Эрик, и вы меня, ребята, не провожайте.

Линка увидела, как дрогнули у Эрьки губы.

Она зачерпнула горсть снега — сглотнула его. Хотелось пить, но снег горчил. Тогда Линка повернулась и побежала, сильно подбрасывая ноги и делая большие шаги. Точь в точь как учили на уроке физкультуры брать старт.

И Эрька остался один.

СТАВКА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЖИЗНЬ

Анджей ЗБЫХ

(Начало в № 117).

— Шуточки, — сказал Клосс и почувствовал все же легкое беспокойство. Нет, противника недооценивать не стоило. — Что бы ты сказал, Отто, — продолжал он спокойно, — о некоем господине Пушке?

— Пушке? — удивился Брюннер и повернулся к Глаубелю. — Что скажешь? — Глаубель пожал плечами. Пушке никогда его не интересовал.

— Есть интересные материалы, — говорил между тем Клосс. — Не подлежит сомнению, что именно Пушке снабжал вражескую разведку информацией о заводе Рейла. Вчера он попытался завербовать одного итальянца по фамилии Риолетто.

Клосс наблюдал за их лицами. Оба были захвачены врасплох и чувствовали себя обманутыми. Как они прореагируют? Захотят ли арестовать Пушке немедленно? Он взглянул на часы. Риолетто должен успеть, они все рассчитали точно, но все равно риск был огромным.

— Арестуешь Пушке?— спросил он.

— Подумаю, — буркнул Брюннер.—Не люблю спешить.

Клосс засунул руки в карманы, ладони у него вспотели. Он снова взглянул на стенные часы. Сейчас Риолетто должен быть в квартире Пушке. Он оставит там компрометирующие документы: сообщение о выезде Рейла, схему расположения завода...

— Советовал бы тебе взять этого человека сейчас же, — сказал он.

— Я всегда ценил твои советы, Ганс, — усмехнулся Брюннер. — Не забуду, что ты мне помог.

— Благодарю, — сказал Клосс. — Ты разрешишь мне доложить об этом и моему шефу?

Из здания гестапо он ушел уже поздним вечером; его ожидала еще встреча с Данкой, а потом ночь перед операцией. Он не любил таких ночей. В такие моменты он проклинал свою работу, которая не давала ему права лично принимать участие в операции, самому сражаться с оружием в руках.

На Башенной улице он увидел Риолетто. Итальянец ждал его у витрины цветочного магазина.

— Порядок? — спросил его Клосс.

— Неприятная работа,— скривился Риолетто. — Пушке вернулся домой на несколько минут раньше... Лучше бы он защищался, а он только кричал, отчаянно кричал. Ну да это продолжалось всего несколько секунд.

— Да, неприятная работа, — проговорил Клосс.— Теперь приготовьтесь к разговору с Брюннером. Разговор будет не из легких.

Риолетто кивнул.

— Знаю. Я к этому привык. Когда же, наконец, кончится эта война?

— Когда-нибудь кончится, — ответил Клосс.

— Я ведь по специальности химик, — задумчиво сказал Риолетто. — И хотел бы снова быть только химиком...

Быстро наступила темнота. На окраине было пусто, даже патрули появлялись здесь редко. Клосс пришел к покинутой мастерской за несколько минут до срока, уселся на груду железного лома и отдыхал. Ну, вот и последний вечер. Данка вернется в отряд... Еще только завтрашняя операция, но она должна удасться.

Данка прибежала, запыхавшись.

— Я уж думала, что опоздаю, — сказала она, — и ты меня не дождешься. Рейл не хотел меня отпускать, как будто знал, что больше меня не увидит.

— За тобой никто не следил? — спросил Клосс.

— Н-нет... — довольно неуверенно ответила Данка. Сейчас она вспомнила, что на повороте с Польной на Садовую увидела сзади мужчину, фигура которого показалась ей знакомой. Потом он исчез, но коль скоро появилась такая неуверенность, следовало сначала немного покружить по городу, а не идти прямо на место явки.

— Пойдешь к Мартину, — сказал Клосс. — Прямо отсюда пойдешь к Мартину и еще раз проверишь подготовку к операции. Центр выносит тебе благодарность.

— Спасибо, — шепнула Данка, — а что вы сделаете с Рейлом?

Клосс не успел ответить. Сначала послышался шорох, а потом неосторожно задетое кем-то железо свалилось на землю. Он резко обернулся и увидел Глаубеля, который направил на него пистолет.

(Продолжение следует).

ВНИМАНИЕ: ПОДПИСКА!

Идут последние дни подписки на газету «Амурский комсомолец». Если ты еще не оформил подписку, иди в агентство «Союзпечати», в отделение связи, обращайся к общественным распространителям.

Подписная цена на год — 3 руб. 12 коп., на 6 месяцев — 1 руб. 56 коп.

Спеши!!!

Газета расскажет тебе О ЖИЗНИ СОВРЕМЕННИКА, ПОЗНАКОМИТ С ИНТЕРЕСНЫМИ ЛЮДЬМИ, НАУЧИТ СПОРИТЬ И ОТСТАИВАТЬ СВОЕ МНЕНИЕ, ВВЕДЕТ В КУРС КОМСОМОЛЬСКИХ ПРОБЛЕМ, ПОДСКАЖЕТ, ЧТО ЧИТАТЬ, ПОМОЖЕТ ВЫБРАТЬ ПРОФЕССИЮ, СТАНЕТ ЛУЧШИМ ТВОИМ ДРУГОМ!

Редактор В. ЕРМОШИН.

14 ноября. ИЗ МОСКВЫ: 13.55. Программа передач. 14.00. Новости. 14.05. Цветное телевидение. Для школьников Передача «Будильник». 14.35. «Телевизионный народный университет». «Научная разработка. Обоснование размещения производительных сил и развития народного хозяйства СССР в новой пятилетке 1971—1975 гг.». 15.20. «Классическая симфония». Фильм-балет на музыку С. Прокофьева. 15.35. Для юношества. Олимпиада. «Планета Океан». 2-й тур. 16.25. Для детей. «Чудесная лесенка». Телевизионный фильм. Часть 10-я. 16.55. Программа передач. 17.00. Программа Красноярской студии телевидения. 17.55. «Сокровище земли Курской». 18.25. Б. Нушич. «Две комедии». Телевизионный спектакль. 19.15. Новости. ИЗ БЛАГОВЕЩЕНСКА. 19.30. Фильм «Жаров рассказывает». ИЗ МОСКВЫ: 20.55. Программа передач. 21.00. «Международная панорама». 21.30. Забытые киноленты. «Поручик Киже». Художественный фильм. 23.10. «Клуб кинопутешествий».

Типография № 1 областного управления по печати.
ВЕ01717. Заказ № 7848.